

II. Выводы, касающиеся общей политики

Но помимо вопросов, касающихся социализма, есть другие, относящиеся к общей политике, по поводу которых события, связанные с большевизмом, дают нам не только новые возможности проверки прежних знаний, но и новые знания. Речь идет о принципиальных вопросах, обсуждавшихся издавна, со времени основания политических наук и политического искусства, рациональной морали и социальной науки: относительно использования силы и насилия, относительно могущества декретов и законов.

1. Опасности, заключенные в использовании насилия

В другом месте[1167] мы представили развернутые наблюдения по поводу систематического использования большевиками насилия. Мы вернемся к этому лишь для того, чтобы отметить неудачу его применения. Коммунисты, следуя в данном случае за Жоржем Сорелем[1168], сделали из насилия настоящий политический «миф», догмат веры. Третий Интернационал целиком рассматривает его как главный способ революционного преобразования; коммунисты ратуют за него как за средство окончательного осуществления уже совершенной Революции и применения законов, издаваемых диктатором-пролетариатом; но этого мало, оно стало для них чем-то вроде самоцели. Они сформировали нечто вроде огромного идола, посвященного этой «повивальной бабке» обществ (Маркс). Поскольку коммунисты насильственно овладели властью и насильственно ее осуществляют, поскольку к тому же это была не импровизация, а постоянный элемент большевистской программы, они сделали из использования насилия безусловный признак пролетарского движения и Революции. Они признают существование коммунизма только там, где есть насилие и террор.

Коммунисты спутали повивальную бабку и новорожденного. В сущности, за завесой высоких слов они лишь отстаивают свои собственные методы правления. Но эти методы являются не специфически коммунистическими, а специфическими российскими, византийскими, древними. Насилие коммунистов, их своеволие, интриги сначала победили, затем они удерживались у власти благодаря террору, полиции и шпионажу; но они считали, что тем самым их теории подтвердились и приняли собственное насилие за выражение и чудодейственную силу всемогущей новой социальной Республики; они уверовали в то, что это оно утверждает новое общество; поэтому они отстаивали его в своем Третьем Интернационале.

Редко в истории какая-нибудь партия и теоретики партии ошибались так сильно по поводу самих себя. На самом деле то, что в России сотворило насилие, — лишь новая политическая форма. То, что большевики навязали российскому народу, — это не новое общество, а новое

государство, российское государство. И действительно, в данном случае мы видим, что правительство, некоторое меньшинство утверждается и может утверждаться с помощью силы и насилия. В этом отношении насилие как нормальный метод побеждало везде, победило и у большевиков, и мы не считаем, что его применение было совершенно пагубным.

Но большевистское насилие, будучи неизбежным противовесом прежнему насилию царей, сотворило добро только в той мере, в какой оно разрушило прежнее зло. Само по себе оно было новым злом. Ведь, удалив из социального здания всякого рода гниль, оно также уничтожило целые стены и под их обломками раздавило множество важных идей. Оно убивало также и людей.

Напрасно станем мы искать, что позитивного создало большевистское насилие вне политики. Наоборот, можно с уверенностью сказать, что именно оно привело Советы к разрухе. Даже если допустить, что насилие против контрреволюционеров было правомерным, преступление большевиков состояло в его использовании против всей нации. Возьмем насилие, благодаря которому, как утверждалось, удалось заставить повиноваться трудящихся города и деревни, физического и умственного труда. Оно породило результат, противоположный тому, на который надеялись. Вместо того чтобы поставить на ноги экономику, новое общество, оно лишь помешало их организации. Во-первых, из-за духа сектантства большевики преследовали, убивали, ссылали и ссылают до сих пор всех социалистов, которых рассматривали как умеренных по сравнению с собой. Таким образом они лишили себя естественных союзников. Для социальной революции ее сторонники никогда не бывают лишними. Во-вторых, дисциплина, которую большевики навязали пролетариям и крестьянам, была поистине дурацкой. Нежелание трудиться и участвовать в обмене, постоянный обман — вот что они породили. По приказу хорошо не работают, разве что перед лицом вражеской угрозы, да и то едва ли. «Хороший труд дружит только с миром», — гласит старинная поговорка; добавим, со свободой, так как рабство и крепостничество никогда не отличаются высокой производительностью. Строжайший приказ и насильственные меры для его исполнения вызывают раздражение, страх, побуждают к использованию хитрости слабых, стремящихся уклониться от труда, или же толкают к пассивному сопротивлению и лени тех, кто знает, что с ними не смогут слишком сурово обращаться, и кто надеется утомить хозяев, даже если последние тысячу раз правы. Насилие большевиков вызвало общее уменьшение численности нации, ее производительных сил и творческого потенциала.

В противовес этому «новая экономическая политика» коммунистов привела их, как мы видели, к известному успеху. Медленно, после террора российские революционеры дают народу возможность шаг за шагом разрабатывать свои нравы и законы. Они переходят к «новому этапу»; признают они это или нет, они находятся на третьей фазе Революции, когда насилие используется уже только для защиты данного строя и когда этому строю дают возможность создаваться. Нам хорошо известно, что в тот самый момент, когда пишутся эти строки, внутренняя политика в Москве еще колеблется между различными тенденциями и группировками.

Но, возможно, коммунисты дойдут еще и до четвертой фазы (пожелаем и помолимся, чтобы так оно и произошло), фазы, когда они будут уже применять насилие не для самого насилия, а для того, чтобы законы свято соблюдались. В ноябре 1923 г. избираются первичные Советы с целью скорого созыва общероссийского съезда и образования нового двойного Исполнительного Комитета: Всероссийских Советов и Федерации Советских республик. Кажется, «Коммунистическая партия» позволила «беспартийным» быть представленными небольшим числом делегатов. Пойдет ли она и дальше этим путем? Постепенно она сможет дать народу возможность самому спокойно заниматься его делами через Советы или каким-нибудь иным избранным им путем. Ведь в этой смягченной политической атмосфере, на этой бесконечно менее насильственной и тиранической фазе «новой политики» произошло настоящее российское возрождение. Можно сказать, что Россия вновь начинает жить ровно в той мере, в какой вновь расцветают мир, порядок и взаимное доверие.

Эта противоположная тенденция влечет за собой мораль спокойствия и законности, и мы в данном случае можем сказать: «Насилие легитимно только через закон, через законный порядок, который оно устанавливает; само по себе оно не может быть порядком и тем более объектом веры и доверия». С одной стороны, в хорошей политике не должно существовать иного принуждения, кроме принуждения законов, а сила должна служить только применению правовых санкций; с другой стороны, новый социальный порядок может быть установлен только в ситуации порядка и в атмосфере энтузиазма. Создатели будущих обществ поэтому правильно сделают, если будут прибегать к насилию только в самых крайних случаях. Насилие — это враг труда, разрушитель надежды, веры в себя и в другого, т. е. того, что с необходимостью заставляет людей трудиться. Существует множество невидимых уз, которые связывают индивидов в общество, которые формируют договоры, доверительные отношения, кредиты, *res et rationes contractae*[1169]. Это тот чернозем, в котором может зародиться и расти искреннее стремление угождать другим, тем, кому верят.

Вся российская жизнь последних шести лет доказывает; террор не может связывать людей между собой, воодушевлять их; он заставляет людей прятаться, замыкаться в себе, убегать и избегать друг друга, терять рассудок и не работать: *Metus ac terror sunt infirma vincula caritatis* — «Боязнь и устрашение — плохие скрепы для любви» — такова формула Тацита[1170], которую следует повторить в связи с опытом первого социалистического правительства в истории. Они в крайнем случае могут поддерживать существование государств и тираний, но они не могут создать у людей ни милосердия, ни любви, ни, если угодно, самопожертвования. Не существовало, однако, такого общества, которому бы в большей мере необходимо было внушать эти позитивные чувства, чем то, которое претендует быть обществом трудящихся, жертвующих собой друг ради друга.

Подобные общества никогда не будут построены на чисто материальной силе. Рискую прослыть старомодными вещателями общеизвестных истин, мы считаем необходимым решительно вернуться к старым греческим и латинским понятиям *caritas*, которое мы так плохо переводим теперь словом «милосердие» (*charité*), *φίλον* и *κοίνον*[1171] и той необходимой «дружбы», той «общности» (*communauté*), которые составляют неуловимую и тонкую сущность гражданской общины.

2. Опасности, заключенные в политическом фетишизме, слабой действенности законов

Насилие само по себе не только было целиком разрушительным, но даже когда оно сопровождало закон, оба они часто оказывались несостоятельными; в самом деле, во многих случаях большевики использовали насилие на законном основании, для реализации законов, своих законов. Но несомненно, что даже закон, опирающийся на насилие, оказывается бессильным, когда он не поддерживается нравами или не сообразуется с достаточно прочными традиционными социальными практиками.

Таким образом, помимо насилия причиной поражения большевиков является их политический фетишизм. Их опыт убедительно доказывает справедливость этого второго политического урока. В действительности они создавали законы: «приказы», «указы»[1172], декреты, постановления народных комиссаров, ЦИК (Исполнительного комитета) или законы съездов Советов; независимо от того как публично право в России именуется закон, большевики, бесспорно, издали и даже кодифицировали социальные нормы, которые заслуживают имени закона. Хотя мы отметили их бессилие и непоследовательность в отношении законодательства, мы не стали отмечать это относительно законодательной власти, легальных органов национального суверенитета. В течение последних шести лет в России не было другого государства, кроме государства коммунистов; они выступали как постоянное правительство своей страны; можно даже сказать, что они слишком точно следовали тем старым византийским традициям, прямым наследником которых был российский самодержец и согласно которым закон есть лишь «дело Государя». Они опирались, по крайней мере три года из шести, на регулярную выборную власть, Всероссийский съезд Советов. Многие придерживаются иной точки зрения, но это чистое лицемерие. Полемистам из Европы и Америки, стран, где умеют устраивать плебисциты и где умеют фальсифицировать результаты выборов, не пристало утверждать, что все российские выборы — это фарс. Они являются более честными, чем, например, выборы в [...]. Всероссийский съезд Советов и Исполнительный Комитет Советов уже являются машинами для тирании и выражения классовых интересов не больше, чем были основанные на избирательном цензе конституционные парламенты до всеобщего избирательного права. Когда первичные выборы станут тайными и свободными; когда перестанут предоставлять преимущество в три четверти мандатов в Советах городов по сравнению с сельскими Советами; когда коммунисты, правительственные, городские, народные комиссары откажутся от практики, достойной испанских касиков и бритоголовых фашистов; когда свобода собраний и свобода печати будут восстановлены, тогда законодательные институты и власть Советов будут равноценными многим другим. Они уже равноценны институтам и власти большинства наций, не достигших уровня зрелости наших.

Но весьма примечательно, что даже эти легитимно существующие законы оказались относительно неспособными создать коммунистическое общество. Прежде всего, те, которым заставили подчиниться, почти целиком были законами запретительными, а не теми, которые относятся к управлению и регулированию повседневной жизни и производства. В большинстве случаев действия, противоречащие закону, на самом деле сдерживались главным образом страхом перед насильственными мерами и суровыми

санкциями; в остальных случаях закон нетрудно было соблюдать, потому что он предписывал не то, что делать, а то, чего не делать. Внешне позитивные законы в действительности могут быть отрицающими; таковы, например, законы об обобществлении. Их в России соблюдали, потому что они состояли скорее в разрушении определенных форм собственности, торговли и договорных отношений, чем в создании новых, и потому, что сторонники этих легальных форм были побеждены в войне классов. Всегда легче не делать, чем делать что-нибудь. Эти люди идут по пути наименьшего сопротивления. Например, декреты Советов, применяющие великий принцип: «Кто не работает, тот не ест», в действительности весьма просты: они состоят лишь в том, чтобы давать наименьшие или ничтожные продовольственные пайки бывшим буржуа; законы такого рода могут внедряться и без великого морального принципа, но при этом они являются чисто негативными.

Напротив, там, где закон должен был заставить совершать некие действия, особенно в административной, управленческой областях, он оказался бессильным. Рабочие комитеты, национальные тресты, советская администрация на всех уровнях и, в частности, на уровне городов; потребительские коммуны; Экономический Комитет Народных Комиссаров[1173] — все эти различные экономические учреждения Советов не смогли справиться со своими функциями. Трудовые талоны, потребительские талоны, бумажные рубли, последовательно запускаясь в обращение, все эти средства последовательно обесценивались, пока наконец «червонец»[1174], обеспеченная золотом валюта, энергично защищенная Советами, не избежала в конце концов этого доведения до абсурда. Пустыми оказались обещания в области образования, искусства, здравоохранения, производства продовольствия, машин и технического оснащения. Невозможно перечислить все, что должны были сделать, задумывали, думали, что делают, или верили, что сделали, Советы или коммунисты, что они время от времени пытались сделать и что они не завершили. Число их разнообразных и неудачных попыток приводит в ужас.

Допустим, что во всем этом безграничном бессилии есть что-то специфически российское, поскольку наши друзья не обладают достаточным организаторским и исполнительским талантом. Но следует констатировать, что, хотя большинство поставленных целей в целом и в отдельности достойны всяческого уважения и отчасти, по крайней мере на наш взгляд, вполне достижимы, законы, посредством которых народные комиссары стремились их достичь, оказались неприменимыми или непримененными. Эти законы натолкнулись на неспособность одних и на нежелание других. Что может быть лучше рабочего контроля? Но нужно еще, чтобы коллектив рабочих умел осуществлять его. Что может быть проще и рациональнее, чем коммуны потребителей, нечто вроде принудительного потребительского кооператива? Но ею еще нужно управлять, ее нужно снабжать; необходимы также подходящий персонал и надежные клиенты, которые, обязавшись в ней участвовать, вероятно, не будут запасаться в ней всем. Есть ли что-нибудь более демократическое и справедливое, чем целостное образование, даваемое каждому ребенку сообразно его достоинствам? Но где были преподаватели, школьные учителя и соответствующие учреждения и каковы были программы? И даже кто были эти дети? Их набирали главным образом в городах и в среде лжепролетариата — коммунистической партии; в конечном счете не было сделано почти ничего.

Коммунисты, будучи наивными социологами, думали, что приказ свыше, Закон, могут творить, как Слово Божье, из ничего, ex nihilo. Одержимые революционными мечтаниями, они задумали переделать человеческое общество, копируя Учредительное собрание и Конвент во Франции. Они серьезно ошиблись. Французские революционеры почти не выходили за пределы возможного и были готовы к выполнению своей задачи: Потье воспитал их в правовом отношении; Кондорсе приобщил их к педагогике; Карно, Монж[1175] направляли их в области промышленности, искусств и ремесел. Они строили общество не на пустом месте и не из чего попало; у них были для этого материальный капитал и моральная сила; у них был весь необходимый состав руководителей, и они опирались на воодушевление народа, патриотичного, обладающего здравым смыслом, уже достаточно богатого, просвещенного и приобщенного к культуре.

У коммунистов не было ни требуемых капиталов, ни нравственности, ни умений. Вот почему, несмотря на их насилие, твердость, энергию и удачу, несмотря на их политическую власть, они потерпели поражение.

Необходимо вновь и вновь повторять, что закон не творит, он санкционирует. Декрет может предписывать какие-то правила действия, но он не может ни создать его, ни даже беспрепятственно создать для него мотивы. Государство и закон более принуждают и ограничивают, чем вызывают стремление к чему-либо. Иногда закон может выражать, санкционировать и заставлять уважать, он может возвышать социальную практику. Создает он ее крайне редко, в чистой политике, чтобы определить чье-либо верховенство... И, кроме того, существуют исключения. В действительности большинство норм публичного или административного права состоит в защите или, самое большее, в указании агента исполнения либо правила выполнения какого-то дела; они не состоят в четких распоряжениях относительно необходимости какого-то действия. Последнее относится к компетенции индивидов; даже будучи министрами, комиссарами, чиновниками или солдатами, они являются лишь служителями общества или хранителями закона. Действие, экономическое, нравственное или другое, само по себе не предписывается и не осуждается; оно совершается, и именно из практики проистекает правило. Вот почему бесплодными были прекраснейшие законы, которые не развились сами собой из деятельности. Вот почему закон является действующим только тогда, когда за ним есть мораль, которую он санкционирует, и определенный тип мышления, которую он выражает; когда активно живущее общество выражает в ритме своей жизни надежды, ожидания, энергию, нравственную мудрость, практические и технические умения, которыми оно владеет.

«Трудовые талоны» невозможно навязать обществу, верящему только в золото; то или иное искусство не имеет никакой ценности для грустных, необразованных или изолированных друг от друга людей, живущих в отдаленных деревнях, и мы приводим здесь лишь отдельные примеры провалов коммунистического режима. Законы можно реформировать только вместе с нравами, и даже нравы можно реформировать только в той мере, в какой технические и эстетические навыки, склонность к труду и тем более потребности изменились сами по себе. Возможно, даже действовать через закон и отталкиваясь от закона и морали — значит действовать менее быстро и менее надежно, чем предоставить действовать времени и самим вещам. Большая часть законов должна, следовательно, отставать от нравов. Когда некоторые из законов опережают их, они могут лишь создать

среду, в которой новые поколения, порывая со старыми практиками, разработают новые формы деятельности. В этом случае закон действует лишь в долгосрочной перспективе; он должен оставлять длительное время для деятельности, чтобы породить какие-то результаты. Итак, не будем больше верить во всемогущество государства и законов; вера в законодательное чудо должна быть изгнана из политики наших современных обществ. Это искусство еще не знает тех чудесных целительных средств и поразительных хирургических операций, которые наши врачи уже осуществляют на своих пациентах.

Необходимо, следовательно, прекратить повторять, что «взятие политической власти» есть панацея от всех зол. Под «взятием власти» Прудон и сам Маркс до 1846 г. понимали просто всеобщее избирательное право и народное законодательство. Позднее марксисты признали, что всеобщее избирательное право есть лишь инструмент, лучший инструмент. Но уже на протяжении 60 лет социал-демократии живут иллюзией, что трудящиеся классы, вооруженные этим правом и наконец убежденные, завоюют власть и с этой прекрасной вершины будут диктовать законы Социальной Республики трудящихся. Большевики, будучи марксистами-романтиками, лишь разделили с социалистами это заблуждение; они оказались рабами старой теории; они уверовали в то, что политическая власть, закон, декрет, при условии, что они будут их издавать, смогут выковать новое общество. Это глубокое заблуждение! Политическая власть является и будет необходимой трудящимся, основная часть которых хочет организовать нацию; но этой власти недостаточно; нужно, чтобы сами трудящиеся были готовы и чтобы они по крайней мере имели представление о своих инструментах; особенно важно, чтобы их ментальность была адекватной. Ведь вот, пожалуйста..., даже столь сильное государство, как большевистское, не смогло заставить столь слабое нравственно и умственно общество, как Россия, подчиниться его законам.

Необходимо, чтобы философ, моралист и политик вместе с социологом тщательно изучили этот факт сам по себе. Закон Советов был силен в своей собственно законодательной, административной, политической области; он был способен создать государство и даже определить некоторые права; он смог к тому же отменить право наследования и провозгласить, что оно может иметь место только при арендном владении землей. Но Закон Советов оказался бессилен: отменить золотые деньги или установить взамен другие; организовать коллективное производство там, где смогли создать лишь индивидуальное; заменить принудительные организации институтами, основанными на свободной ассоциации, такими как кооперативы; ликвидировать рынок. Либо этому противодействовали слишком сильно укоренившиеся привычки, либо здесь проявилось отсутствие материально-технических возможностей. Бесполезно давать деревне мотор, если не дать ей одновременно бензин и механика. Остается отметить в связи с этим, что из всех областей социальной жизни область экономики и техники легче, полнее и яростнее всего избегает влияния политики и даже морали. Речь не идет о том, что экономика, смешиваемая часто с техникой, имеет доминирующее значение; мы уже указали на это заблуждение. Но это разные области, независимые от тех, к которым принадлежит закон. Он может санкционировать в этих сферах только реальные состояния, регулировать в них определенные права; он ни к чему не может принуждать: ни деньги, ни кредиты, ни накопления не могут быть навязаны; не может также навязываться коллективная ассоциация трудовых усилий; барщина — это противоположность труду, на который идут радостно или даже по экономическим соображениям. В экономике, так же как и в технике, закон может лишь разрушать на какое-то, пусть даже не очень длительное, время;

изобрести что-либо он не может. Он может запретить пользоваться какой-то валютой, но не может обеспечить другую; он может отменить использование какого-нибудь инструмента, но он не может ни изготовить его заранее, ни часто даже доставить его. Вот почему закон не должен предшествовать ни нравам, ни тем более экономике и технике, он должен следовать за ними.

Версия #3

Зверобой создал 26 апреля 2026 03:11:12

Зверобой обновил 26 апреля 2026 03:12:50